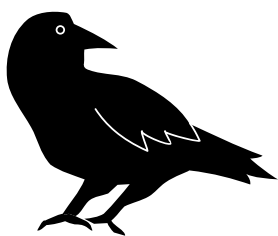

Джой Моен

И ВСЮДУ СЛЫШЕН
ШЕПОТ
ТЬМЫ

**LIKE
BOOK**
МОСКВА

Джой Моен

И ВСЮДУ СЛЫШЕН
ШЕПОТ
ТЬМЫ

**LIKE
BOOK**
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М74

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© irmairma / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Художественное оформление *С. Леманн*

Иллюстрация на обложке *VIS*

Моен, Джой.

М74 И всюду слышен шепот Тьмы / Джой Моен. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-216424-8

Зоэ-Моник — необычная девушка, дочь ведьмы и вампира. С рождения ее окружали силы зла, и казалось, что путь, которым она пойдет, очевиден. Только Зоэ не спешит выбирать сторону. Она учится в лицее для магических существ, ходит на вечеринки, влюбляется, как все девчонки, и хочет жить обычной жизнью.

Но в последнее время Зоэ все чаще слышит шепот Тьмы, которая зовет ее в ночных кошмарах, а затем и просачивается в реальность. Друзья ведут себя странно, однокурсники постоянно задирают ее, а возлюбленный Эрве Дюшам что-то скрывает... А еще она постоянно сталкивается с таинственным студентом, который, как и она, родом из Венгрии.

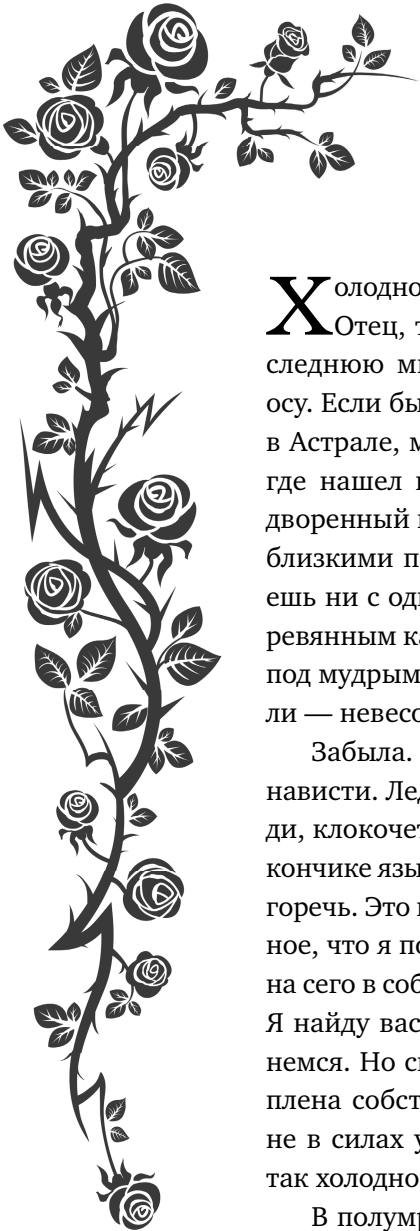
Внутри нее борются две силы — Тьма и Свет. Дружба превращается в испытание, а любовь — в опасную игру с судьбой. Но все ли Тени реальны?

Вторая книга серии «Дети крови».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-216424-8

© Джой Моен, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

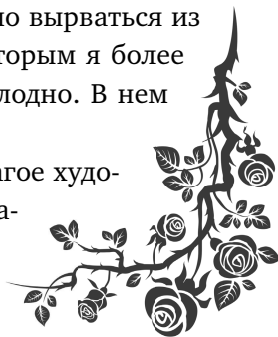

ПРОЛОГ

Холодно. Так холодно и темно. Где я? Отец? Отец, ты слышишь меня? Я умерла? Последнюю мысль отгоняю, будто докучливую осу. Если бы это было правдой, я бы оказалась в Астрале, месте, где рождена моя душа. Там, где нашел приют наш старинный клан, выдворенный и почти стертый из истории земли близкими по духу существами. Дом не спутаешь ни с одним другим местом, даже если деревянным каркасом в нем служит ночное небо под мудрым взором вселенной, а вместо мебели — невесомость и пряная роса.

Забыла. Я все забыла, кроме одного — ненависти. Ледяной огонь мести полыхает в груди, клоочет в гортани настолько явно, что на кончике языка чувствуется почти невыносимая горечь. Это все ОН. Он отнял у меня то священное, что я почитала и любила, взрастила семена сего в собственном чреве. *Сириль. Женовьев.* Я найду вас, и больше мы никогда не расстанемся. Но сначала необходимо вырваться из плена собственного тела, которым я более не в силах управлять. Так холодно. В нем так холодно, отец...

В полумраке вижу свое нагое художавое тело, лежащее на мра-

морной кровати, созданной лишь волей отца. Голова повернута в сторону закрытой двери покоев, тонкая шея, приложив пальцы к которой уже не почувствуешь пульса, плавно перетекает в острые ключицы, холмики груди с потемневшими сосками потеряли свою привлекательность, как и впалый живот, словно прилипший к позвоночнику. Моя кожа по цвету почти сливается с серым камнем, некогда рыжие волосы утратили огненный блеск, потускнев и спутавшись, теперь они напоминают мох, устилающий поверхность брокателло¹. Глаза полуприкрыты, смотрят прямо перед собой, но в них больше не отражается ни проблеска осознанности. Глядя на то, что было мной еще несколько мгновений назад, я должна бы ощущать отвращение, но вместо него не чувствую ничего.

Я больше не в силах поддерживать жизнь в этом теле, надеюсь, отец, ты поймешь и простишь меня, как делал всегда. Я должна найти ЕГО, найти и заставить заплатить, иначе не обрести мне желаемого покоя ни в этой жизни, ни в последующих. *Сириль. Женевьев.* Мамочка уже идет к вам, мамочка все исправит...

¹ Брекчированный разноцветный мрамор.

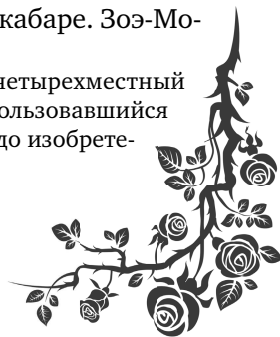

ГЛАВА 1

Глухой стук копыт о рыхлую землю, плавное покачивание, тени от встречающихся на пути деревьев и домов, сменяющие лучи солнца, что только начинают набирать силу, — все это Зоэ-Моник Гобей чувствовала каждой клеточкой тела, расположившись с подогнутыми ногами на двух сиденьях фиакра¹. Невзирая на приличия, она положила под голову руки и смежила веки, пребывая в дреме, укрытая тонким одеяльцем, сшитым ее матерью в дороге, которой не было конца. Путешествие продолжительностью в семь суток вымотало, казалось, что даже при короткой остановке на отдых, требовавшейся преимущественно Моник и ее матери, качка не ослабляла своей хватки в сознании, а тело ощущалось невесомым, совершая любые движения по инерции.

Фиакр резко потрянуло; чемодан на полке над сиденьями напротив подпрыгнул и ударился о потолок, заставив Элайн Мелтон-Гобей прекратить напевать под нос веселый мотивчик заевшей французской песни, услышанной случайно, когда они проезжали мимо очередного кабаре. Зоэ-Мо-

¹ Наемный или взятый напрокат, четырехместный городской экипаж на конной тяге, использовавшийся в странах Западной Европы как такси до изобретения автомобиля.

ник, названная так в честь трагически погибшей тети и давно стертой из истории мироздания бабушки, открыла глаза и поморщилась, ощущая, как тянет мышцы во всем теле.

Семья Гобей отправилась в длительное путешествие из родной Венгрии во Францию, испытывая страх и воодушевление. Война, обрушившаяся на весь мир, не пощадила ничего, подмяла каждого, кто встретился на пути, оставляя после себя разбитые колеи и ямы, полные слез, крови и трупов, вымершие города и села. Элайн, будучи известной на родине как кровавая ведьма, не раз принимала участие в защите территории, что сильно сказалось на ее ментальном здоровье, как и Эгон Гобей, не знавший покоя в это темное время.

Их дитя впервые пролепетало слово «мама», когда Элайн стирала чужую кровь со своего лица; сделала первый шаг, в то время как ее отец тенью скользил меж вражеских снарядов. Тетушки Джиневра и Мишель старались как могли, но страх за племянницу и ее супруга доводил обоих до истеричного состояния, которое Зоэ-Моник непременно чувствовала, становясь капризной и неуправляемой. В конечном счете чета приняла твердое решение вернуться на родину мужа, где со дня на день должно быть принято мирное соглашение.

Шестнадцать лет кануло с намерения покинуть Венгрию, и только сейчас Бог смиростивился, открывая пред ними пути. У Зоэ-Моник никогда не было своего дома, она не знала, что такое осесть в определенном месте и пустить корни. Будучи вырванной из Венгрии в младенчестве, большую часть своей жизни она провела в дороге или придорожных отелях, но горя из-за этого девочка на плечах не несла, ведь рядом с ней всегда оставались родители. Когда за окном бушевала буря или пули свистели над головой, Эгон Гобей, стараясь перекричать звуки, способные напугать дочь, рассказывал чарующие истории о своем клане Такка, о том, что пришлось пережить им с Элайн, казалось, в прошлой жизни. Реальные

сказки девочка слушала с упоением, а когда она становилась старше, ее гибкий ум и живое воображение не только не позволили приключениям потерять очарование, но и стали почвой для безудержного желания изучить подробнее доверенные ей откровения отца и матери.

Не описать, в какой восторг Моник привела новость об истинной цели их путешествия во Францию. Помнится, Элайн тогда заварила особенно густой и крепкий чай; с трудом сдерживая волнение, ведьма подошла к дочери, поставила горячий напиток, который, едва не расплескавшись, облизнул край кружки, на низкий столик перед девочкой, взяла ту за руку и с минуту вглядывалась в ее серо-зеленые глаза. Эгон, подпирая дверной проем, молча взирал на любимую жену и дочь, позволяя Элайн выдохнуть и начать свою речь. Сколько же вопросов тогда высыпалось на головы родителям, но их приятно поразило то, что в словах дочери не было сопротивления, свойственного столь нежному возрасту.

И вот теперь, сменив уже четвертый экипаж, семья Гобей могла узреть невдалеке свою цель — маленькую коммуны на юго-западе Бретани, на территории которой кельты обретали тайные знания, а святой Ронан и иные, целованные Богом, организовывали ритуалы обхода здешних холмов¹.

— Прости, дорогая, кажется, мы уже подъезжаем. Удалось отдохнуть хоть немного?

Элайн участливо посмотрела на дочь, тепло улыбнувшись, даже ее уставшие глаза обрамили мелкие морщинки. Зоэ-Моник неопределенно кивнула, спустила ноги на пол, поправив юбку, и придвинулась ближе к окну, отдернув шторку, чтобы самой убедиться в верности слов матушки. Неужели и правда их утомительное путешествие подошло к концу? В самом ли

¹ Имеется в виду фестиваль Тромени. Это своеобразный «крестный ход», проходящий по длинному маршруту, включающему в себя двенадцать особых точек. Сохранился и по сей день.

деле получится отыскать отчий дом отца, накрепко переплестись корнями с крупницами собственной истории и обрести наконец вторую половину своей личности?

Стук копыт стал отчетливым и звонким, когда фиакр пересек границу некогда городка, нареченного таковым Анной Бретонской, прибывшей сюда на паломничество, в 1505 году. Этот факт Моник упомянула про себя несколько раз, вспоминая все то, что успела узнать о коммуне во время путешествия из уст отца, а также благодаря библиотекам вблизи отелей, где семья устраивала короткие передышки. Большинство детей в столь юном возрасте начинают испытывать скуку при одном лишь упоминании истории, не желая тратить и секунды отведенного для игр времени, но Зоэ-Моник их чувств не разделяла.

С малых лет она поглощала любую сколь-нибудь интересную для нее информацию, но особенное место в сердце девочки заняли те немногие знания, касающиеся рода Гобей. В возрасте десяти лет девочка объявила о своем намерении связать жизнь с историей и археологией, чего бы ей это ни стоило, даже боязнь Эгона, что интерес дочери перерастет в одержимость, не стала преградой. К шестнадцати годам, по завершении домашнего обучения и сдачи экзаменов в одной из школ по пути во Францию, этот замысел по-прежнему оставался с ней.

Деревянный указатель приветливо направлял путников к историческому центру деревни, именуемой Локронан; при виде старательно выведенных краской букв Моник испытала такую сильную смесь восторга и смятения, что с трудом могла усидеть на месте, дожидаясь момента, когда станет возможным покинуть салон и размять ноги. Элайн Гобей-Мелтон скрыла улыбку, закусив нижнюю губу, глядя на свою дочь, в глазах которой блестели плохо скрываемые искорки восхищения. В такие моменты, как сейчас, сердце матери обли-

валось любовью и трепетом к Зоэ-Моник; несмотря на свой возраст, девочка по-прежнему оставалась ребенком.

Достаточно большая площадь в центре Локронана окружена старинными зданиями из серого гранита, стоит встать прямо посередине у каменного колодца, как можно увидеть две границы деревеньки — по левую и правую руку. Ряды суровых домиков с шиферными крышами, сплошь покрытые мхом и зеленью, провожали путников заинтересованными взглядами. Пойдешь направо и непременно наткнешься на поврежденную временем часовню с фонтаном, а отправишься налево — очутишься в оживленном квартале ткачей, где на холмах стоит мэрия, а также дом знаменитого Шарля Данилу, политика и поэта.

Не было необходимости в зазывалах у кафе, блинных, ремесленных лавок, галереи и баров, ведь в Локронане все друг друга знали, жизнь текла здесь размеренно, без лишнего шума и переполоха. Казалось, война не коснулась коммуны вовсе. Люди медленно плыли по своим делам, не спеша на работу и за покупками, словно опьяненные нектаром пчелы. Улица Сен-Морис, куда свернула семья Гобей, быстро вывела их из города, направляя к дальним холмам. Моник проводила недоуменным взглядом последние домики, повернув голову к матери.

— Разве мы не останемся здесь? Даже на минутку?

Элайн поправила несуществующие складки на подоле платья; новую и такую непривычную в своем удобстве одежду они купили, уже находясь во Франции, чтобы не слишком выделяться среди местных. Примитивные платья и узкие юбки до колен, свободные от корсетов блузы и пиджаки с ремешками на талии — что может быть проще и элегантнее.

— Семья, у которой мы выкупили ферму, ждет нас, дорогая. Они хотят поскорее покинуть Локронан из-за долгов, а мы, если честно, остро нуждаемся в горячей ванне и твер-

дой опоре под ногами, но у нас будет время, чтобы вернуться в центр и рассмотреть каждый камень этого чудесного места. Теперь у нас будет много времени, Моник.

Улыбнувшись в ответ на слова матери, Зоэ-Моник вновь выглянула в окно, наслаждаясь безграничными просторами полей, густо усаженных льном, коноплей, лавандой, подсолнухами и кукурузой. Раньше такая свобода пугала, предлагая лишь неизвестность, но теперь обещала совсем иную жизнь.

Проехав по ощущениям еще минут пятнадцать, Элайн с дочерью увидели, что поля стали разбавляться редкими домиками разной степени запустения; Моник в душе надеялась, что их дом будет иметь хотя бы четыре стены и целую крышу, совершенно не хотелось начинать строительство новой жизни на чужих останках.

Наконец фиакр, ведомый Эгоном Гобеем, свернул на проселочную дорогу и, замедлив ход, поехал вдоль плотных рядов кукурузных стеблей, еще прячущих свои сочные яркие плоды. Стебли и листья были такими большими и высокими, что казалось, подойди ближе — и в ненастный день они укроют тебя от всех бед своими легкими объятиями; кисти нитей рыльца свисали мочалками, будто усы и бороды стариков, приглашая жуков найти временный приют, спрятаться от солнца.

Калитка высокого деревянного забора оказалась распахнутой настежь, приглашая уставших с дороги гостей. Фиакр без труда заехал на территорию дома, остановившись рядом с искусственным водоемом, наполовину обнесенный низкой каменной оградой для удобства скота. Пара черных кудрявых свиней, стоящих в грязной воде, сонно подняли морды, обратив их в сторону прибывших, и издали ленивые, едва слышные похрюкивания. Видимо, заслышав волнение скота или завидев из окон прибытие фиакра, пока еще хозяева фермы вышли поприветствовать семейство Гобей.

Эгон спрыгнул с облучка, открывая дверь перед женой и дочерью, которые умело замаскировали улыбками усталость и желание застонать от удовольствия, разминая закоростелые спины и ноги. В то время как родители обменивались любезностями с престарелой четой, подписывали документы и решали последние вопросы по передаче имущества, Моник прошла вдоль водоема поближе к дому, чтобы как следует рассмотреть его.

Внешнее покрытие двухэтажного здания навевало воспоминания о миндальной пасте; вкус этого лакомства из прошлой жизни казался утраченным, однако когда она глядела на возвышающиеся коричневые стены, во рту появился явный привкус давно забытого. Первый этаж служил амбаром для скота, судя по низким квадратным окнам со ставнями и маленькой двери, в проеме которой, преградив путь остальным особям, лежала еще одна свинья. Окна второго этажа разительно отличались: арочные пестрые рамы крепко удерживали разноцветные стекла, состоящие из крохотных квадратов, и были похожи на витражи, с той разницей, что единого рисунка не подразумевали. Крыши, будто плюшевые, покрытые шерстью все тех же парнокопытных созданий, обросли мхом, придавая дому игрушечный вид, а печная труба с въевшейся сажей и грязью напоминала торжествующе поднятый хвост хряка.

К стенам дома прислонены поилки и кормушки для животных, садовые инструменты, рядом в вязкой грязи, тщательно вымешанной копытцами, лежала на боку грустная лейка без носика, поливочные шланги, подковы, проволока, а если пройти через весь просторный двор, найдется скромный полупустой сарай с соломой и холщовыми мешками без подписей.

У этого сарая родители и нашли Моник, которая до боли сжимала подол юбки, настороженно вглядываясь в тем-

ноту помещения у порога, не решаясь пройти дальше. Эгон и Элайн осторожно подошли ближе и с обеих сторон нежно приобняли дочь за плечи, отчего девушка вздрогнула, но выражение ее лица мгновенно переменялось с обеспокоенного на приветливое.

— Все в порядке, детка?

Ведьма погладила дочь по руке, наклонившись так, чтобы можно было заглянуть той в глаза, но морок спал, будто вовсе привиделся Элайн; перед ней стояла ее счастливая и всегда спокойная дочь, положив голову на плечо матери.

— Да, в порядке. Просто осматривала окрестности, я ведь теперь могу называть это место нашим домом, правда?

— О, конечно, дорогая, больше никаких переездов. Мы будем счастливы на этой ферме. Откроем в городе мясную лавку и станем продавать свинину так дешево, насколько возможно. Это поможет людям жить лучше в послевоенное время.

— Стейки-и-и! Только представь, Моник, мы сможем есть свежие стейки с кровью каждый день!

Отец щелкнул по носу дочь, когда они с Элайн одновременно выкрикнули «фу-у-у» и рассмеялись так громко, что непривычные к подобного рода шуму свиньи взвизгнули в ответ. Однако, несмотря на веселость, Эгон внимательно изучал реакцию дочери, переводя взгляд туда, где Моник с минуту назад застыла в страхе. Он ничего не чувствовал, никакой энергии, в тенях было пусто, и это настораживало. Его собственный дар проявился еще в младенчестве, но то, что он умел делать с тенями теперь, всецело заслуга его родителей и самого Эгона Винце, урожденного Гобея; вернуть фамилию оказалось таким же естественным, как дышать, что он и сделал сразу по освобождении от власти Де Кольберов. Вампир был благодарен Иштвану за все, даже за новую фамилию, с которой пришлось существовать не одно столетие, но